Г.Г. Шпетом при учреждении Кабинета этнической и социальной психологии, который он возглавил в 1920 году.

Челпанов высоко ценил широчайшую эрудицию и несомненный педагогический дар Шпета, поэтому всегда стремился обеспечить ему возможность передавать накопленные знания новым поколениям ученых. В письме Г. Челпанова к Шпету от 30 ноября 1912 года читаем: «У меня явилась надежда, что Вы возьметесь читать этот курс (философии и методологии истории); он для Вас подходящ; а если Вам можно будет передать еще курс пропедевтической логики, то откроется возможность навсегда устроиться в Москве».

Самый тяжелый период жизни Челпанова связан с увольнением из созданного им института (1923). Челпанов очень тяжело перенес отставку, находился, по его собственным словам, в состоянии депрессии, глубоко переживал вынужденное бездействие и предательство учеников. В это время Г. Шпет приглашает своего учителя в Государственную академию художественных наук (ГАХН), основателем и фактическим руководителем которой он являлся, тем самым он продляет ученому не только его научную жизнь.

В Академии художественных наук Челпанов был председателем комиссии по изучению восприятия пространства и художественного творчества. Результаты исследований он предоставлял в докладах: «Понятие творчества и роль подсознания в творчестве», «Психологическое объяснение простых форм», «Психофизическое объяснение эстетического удовольствия» и др. До начала 30-х годов Челпанов вел активную научно-исследовательскую, просветительскую и организаторскую деятельность. В этом он видел призвание и смысл своей жизни. Значение духовных приоритетов в построении научных теорий, идея взаимосвязи наук в изучении человека, беззаветная преданность идеалам науки – все это сближало Челпанова и Шпета на протяжении многих лет.

Переписка Г. Челпанова и Г. Шпета свидетельствует о том, что это были близкие люди, обсуждавшие не только научные темы, но и глубоко личные вопросы. Даже трагизм их судеб: предательство ученика и полное забвение – у одного, и политические репрессии и физическое уничтожение – у другого, вписывает имена этих ученых в одну драматическую страницу истории русской науки.

С.М. Зубарев

СМЕРТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Зубарев Сергей Михайлович

консультант института управления и предпринимательства УрГУ

E-mail: zubr@usp.ru

В статье рассматриваются деструктивные аспекты обиды, функционирующей вне материнско-детского симбиоза.

Ключевые слова: обида, страх, ярость, гнев, зависть, ревность, горе, стыд, вина, любовь.

FATAL FEELING

Zubarev S.M. Consultant for the institute of Management and Business at Ural State Universiti. E-mail: zubr@usp.ru

The article deals with destructive aspects of offence functioning outside mother/children symbiosis.

Key words: offence, fear, fury, anger, envy, jealousy, grief, shame, guilt, love

Далеко не каждое чувство может характеризоваться эпитетом: смертельное.

Страх, ужас – да. Это понятно, он предупреждает именно о смертельной опасности. То, что опасность

может быть нафантазирована, в данном случае значения не имеет. Смертельный страх с идеей смерти связан напрямую. Но сам по себе страх убивает в исключительных случаях, да и в них чаще доминирует чужая враждебная воля.

Поэтому в словосочетании «смертельный страх» смертельность относится к внешней опасности.

Ярость – слепая, безрассудная, неудержимая, содержит идею уничтожения, но она безобъектна, ей всё равно на кого обрушиваться. Случайно может на себя самого, но, право, не специально. Ярость часто называют слепой, безрассудной, дикой, но смертельной, если именуют, то, подразумевая угрозу внешнему объекту. То есть, речь идёт, в данном случае, даже не о ярости, а о гневе. Так же, как в известной песне: «Пусть ярость благородная вскипает как волна!».

Разрушительный импульс направляется на конкретный объект именно во гневе. Гнев бывает праведным, вулканическим, но смертельным? Разве что вулкан не найдёт выхода.

Таким же внешним вектором обладает ревность. Причиняя острую боль, она провоцирует субъекта на самые кардинальные способы восстановления гармонии. Можно спорить, является ли ревностью чувство, побуждающее уничтожить сам объект любви, или его следует считать инфантильной злобой-местью. Ревность в этой логике – более зрелое «триангулированное» чувство, которое, сохраняя объект любви, уничтожает конкурентов. Вопрос – насколько зрелым можно счесть чувство, уничтожающее конкурентов, которые лишь заподозрены, но в реальности таковыми не являются? – в нашем случае не слишком важен. Для своего носителя ревность губительна, как в случаях с перечисленными выше чувствами, в основном, в социальном контексте. Но речь здесь идёт о чувстве, непосредственно и неотвратимо несущем гибель самому субъекту, испытывающему его. Заметим, что изо всех негативных чувств ревность награждается наиболее пышными эпитетами. Одно «зеленоглазое чудовище» чего стоит. Вероятно, сама любовь бросает отблеск своей приближённой.

Тоска – смертная, но не смертельная. Она эпифеномен, результат того, что виртуальное, отдалённое проявляется вдруг как неизбежность

Жалость тоже не годится, хотя бытует выражение «жалко до смерти». Это кого-то жалко до того, как он умер. А после смерти уже не жалко. Горько, скорбно, но не жалко. Если жалко, то себя. Вот эта жалость к себе служит хорошим гарниром к искомому чувству.

Зависть, – это «наше всё». И чёрное, и белое. Это уже «тепло» в нашем поиске. Испортить жизнь она может серьёзно, особенно в чёрном – черновом варианте, но, при всём том, вектор этого чувства мотивирует на жизнь. Особенно, после того, как редуцированы агрессивные фантазии по поводу уничтожения конкурентов, после «отбеливания», зависть способна стать хорошим жизнеутверждающим мотиватором.

Стыд – жгуч. В упаковке «чести» «гордости», различных сверхчеловеческих кодексов, он способен обернуться аутоагрессией различных степеней, но для этого требуются упаковки: Фантазии родительского отвержения, предельный перфекционизм. Но прямой связи со смертью тут нет, и стыд, при всей своей жгучести, глаза, как правило, не выедает.

Вина чаще всего связана с образом тяжести, гнетущего груза, камня, лежащего на душе. Она может быть непростительной, требовать искупления, в том числе кровью, но может предполагать, наоборот, длительное существование в деятельном раскаянии: и потерзать себя за то, что не подлежит восстановлению и восстановить то, что подлежит. Идея смерти здесь конечно присутствует, но тоже в непрямой связи. Более того, для большинства вин существуют отработанные ритуалы жертвования. То есть, собственная смерть заменяется чужой – бараньей, например, или оговоренной суммой денег.

Отчаянье – хороший кандидат. Оно вполне может дезориентировать субъекта и подтолкнуть к неадекватным, чреватым тяжкими последствиями действиям. Оно способно непосредственно подвигнуть субъекта к окончательным расчетам с жизнью, особенно в сочетании с виной, страхом или ревностью. Хотя, может мобилизовать субъекта, отсекая надежду на внешнюю помощь, и давая ключ к сокрытым резервам. Другое дело, что при всей остроте, отчаяние – сравнительно кратковременный аффект. Долго пребывать в отчаянии невозможно,

оно работает в поворотных точках судьбы, но не доминирует в стабильные периоды.

Ещё «горячий» вариант – горе. При достаточной интенсивности оно содержит и суицидные провокации. Может действовать долго, формируя тяжелейшие психосоматические последствия. И словосочетание – «смертельное горе» вполне устойчиво. Внешняя причина для горя, как правило, очевидна. Человек может её скрывать от окружения, но сам он её слишком хорошо знает, и спрятаться от неё может лишь в психозе.

Но обсудим и других претендентов.

Любовь, несомненно, со смертью связана. Умереть от любви – не такой уж парадоксальный сюжет. В её свите привходящих чувств, немало деструктивных. Некоторые из них сами вполне могут выдавать себя за любовь достаточно долго. Момент разоблачения чувства-самозванца бывает очень болезненным. Пожизненное разочарование с неверием в возможность подлинного чувства – не самый тяжелый вариант. По крайней мере, плоские дообъектные зависимости менее рискованны, чем объёмное чувство, подразумевающее взаимодействие с другим, то есть, завязанное на требовании взаимности.

«Чувство двоих» предполагает для каждого партнёра индивидуальное соотношение самоотдачи и самосохранения. Абсолютно самоотверженная безответная любовь, которой довольно, что «след от гвоздя был виден вчера», очевидно эксплуатирует маниакальную защиту. Отрицать реальность иногда легче, чем остаться один на один с фактом отверженности, к которому быстро начнёт подтягиваться всё то, что по отдельности переносимо, а в сборе – не факт. Или можно предположить наличие мощного интроекта, обеспечивающего самодостаточность. С одной стороны он дарит субъекту ощущение безусловной любимости, с другой – ставит барьер любым попыткам реализации. Барьер может быть, например, инцестуозного характера. Неожиданный эффект «Эдипа»: субъект окукливается в фантазии: «Я любим, пока ребёнок. Ради этого я пожертвую «взрослыми» отношениями. Не очень-то и хотелось». Суть, всё равно, в снижении риска.

Любовь, поглощающая, не допускающая автономии партнёра объекта, незрелая – именно такая ближе всего к смертельной. Для обеих сторон. Тем не менее, «смертельность любви» в основном, связана с её противостоянием социальному порядку. К тому же, в рыночном искусстве благополучная любовь – плохой товар. Кровь продаётся лучше, чем морковь. Но уникальность любви как раз в том, что она позволяет сбросить агрессию, точнее, поменять её модальность, и отказаться от множества «обременений» и условностей. По крайней мере, в архетипической фазе любви так и бывает.

Радость, восторг, ликование нет смысла рассматривать в заданном аспекте, хотя, бывали случаи, умирали люди и от радости.

И вот главный претендент на звание смертельного чувства – обида.

Может показаться странным, что такое инфантильное, обыденное чувство может считаться главным убийцей людей. Для начала, вспомним, что словосочетание смертельная обида – самое устойчивое. Причём смертельно обидеться – это не значит замыслить убийство обидчика. Такое возможно, если в отношениях с обидчиком изначально доминируют другие чувства с вызревающей идеей мести. Обида, в этом случае, может сыграть роль «последней капли». Но в «чистых» случаях, где доминирует сама обида, обиженный желает активного искупления проступка со стороны обидчика. Более того, он желает доказательств их с обидчиком близости, и ценности своей для обидчика. Собственно, настоящее искупление в этом и состоит. Агрессию обиженный склонен обращать на себя. Общеизвестны детские фантазии о собственной смерти, которая вырывает раскаяние у обидчиков-родителей. Обиженный, воздействуя на обидчиков, стремится вызвать у них чувство вины. При этом обида обладает серьёзным мазохистическим аутоагрессивным потенциалом. Но для того, чтобы обидчики действенно, в желательном ключе для обиженного, реагировали на проявления его обиды, необходимо важнейшее условие: теснейшая, симбиотическая связь. Вне такой связи механизмы функционирования обиды как парного взаимодействия рассыпаются.

Именно демонстрацией одностороннего отторжения обиженный побуждает объект к раскаянью, признанию своей вины, затем заглаживанию, искуплению ее.

Демонстрация обиды должна, по замыслу субъекта, индуцировать вину объекта. Вина, конечно, один из главных регуляторов человеческих взаимоотношений. Сфера действия шире, возможно, только у тревоги. Но возникновение вины при обнаруже-

нии у визави признаков обиды возможно только в случае уже существующеё тесной связи. Уточним, изначально это материнско-детский симбиоз, уже в отцовско-детских отношениях обида может давать сбои, а в сиблинге может приводить к прямо противоположному эффекту – отвержению. Потом – любовные, иногда, дружеские, вот, собственно, и все традиционные сферы «применения».

Вспомним общеизвестный парадокс. Чей отказ обидит сильнее – близкого и ранее безотказного человека, или постороннего, на чью помощь трудно рассчитывать? На постороннего острая реакция возможна только, если на него была спроецирована соответствующая фантазия. Слом фантазии. А близкий человек вдруг выпячивает личные обстоятельства, которые никогда прежде в расчёт не брались. Это воспринимается как надрыв симбиоза и провоцирует паническую обиду.

Переживание и выражение обиды пронизано демонстративным отказом от объекта. Отвод взгляда, надувание губ, горькая гримаска с опусканием уголков губ, отворачивание. Отдергивание или стряхивание с себя прикосновений объекта. Плач с характерным задвиганием подбородка и натягиванием нижней губы на зубы. Даже при попытке сохранить гордую посадку головы, плечи приподнимаются, скрадывая шею.

Надувание губ является столь характерным признаком обиды, что породило просторечный синоним – «надуться».

Склонность к обиде является своеобразным инициационный критерием, широко используемым в сиблинге. «Плакса-вакса», «сопли распустил», – обиду часто сопровождает сепарационная тревога, обиженка. Подобные определения дети дают сверстникам, с невысоким статусом в сообществе, или даже не допускаемым в него. Впрочем, «обиженки» умеют извлекать свою выгоду и из такого положения. Получив причитающуюся порцию тумаков и оскорблений, они бегут к мамочке жаловаться и получают утешение, иногда сопровождающееся наказанием обидчиков – братьев и сестёр, иногда – нет, особенно, если обидчики – чужие дети, но в любом случае моральная подкачка происходит.

За пределами семьи манипуляции с обидой теряют эффективность. «Обидный» драйв, как правило, не достигает цели, а во взрослых, деловых отношениях он считается недопустимым и «бедный мой» превращается в презренную «обиженку».

Что же делать субъекту, привыкшему достигать своих целей путём демонстрации обиды и вызывания вины у значимых фигур? Ему остаётся переносить свои отношения к родительским фигурам на посторонних людей, на тех, от кого он, в той или иной степени зависит: на учителей, начальников, лечащих врачей, сантехников. Переносы могут падать и на организации – от ЖЭКа до государства, и на неформальные сообщества – «свой круг», который не принял очередной манипуляции.

В позитивном варианте обиженка отказывается от инфантильного стереотипа и адаптируется к иным конструктивным взаимоотношениям. Но чем позже начинать, тем труднее это будет сделать.

Субъект, разумеется, может переносить на посторонние объекты любые чувства. Но, выскажем предположение, что обида переносится легче остальных чувств. Не переживается, а переносится.

Именно по ней, по её отчётливой неуместности легко обнаружить действие переносного механизма.

В негативном варианте субъект не в силах отказаться от игры в обидки, но поскольку с «дивидендами» становится всё хуже, приходится искать соответствующее, всё более инфантилизированное окружение и направлять своё сокровенное чувство на надличностные объекты: судьбу, обстоятельства, жизнь в целом. Кто-то обижается на Бога, кто-то на деньги – за то, что они не валятся на «бедненького» с неба. Обидные фантазии могут достигать философских высот. Проживание этого острого сладковатого чувства становится самоценным, создаётся коллекция особенно обидных сюжетов, позволяющая поддерживать себя в нужном тонусе. Естественно, о профессиональной реализации, о карьере, тем более, о творчестве приходится забыть.

Впрочем, в социуме возможен действенный протестный акт, базирующийся на механизмах обиды-вины. Это – голодовка. Демонстративный отказ от пищи до выполнения требований. Акт протеста обращён к «родительским фигурам» власть предержащих. Но голодовка может достичь нужного эффекта только в публичной ситуации, и если власть признаёт голодающих своими, близки-

ми. В противном случае возможно насильственное кормление, или, наоборот полное пренебрежение к мукам «чужих». Так, например, М. Тэтчер в 1981 году в тюрьме Лонг Кэш спокойно заморила голодом десять протестующих ирландцев. Примерно с XIX века голодовка, в основном, акт политический, хотя в иные времена она была сакральным действом, апелляцией к божеству на творящуюся несправедливость. У некоторых народов практиковалась голодовка против частных лиц, например кредитора против должника. Это была очень действенная мера, поскольку вина за смерть голодающего «истца» ложилась на «ответчика», что влекло суровую кару.

[Селиванова Т.П. «Голодовка как этикетная норма» в сб. Этикет у народов Южной Азии СПб Петербургское востоковедение1999 г. С 215-228]

Ещё один демонстративно-протестный акт – отказ от награды, скорее – сепарационный. В нём нет скрытого требования признать своим и утешить, но есть отказ награждённого признать родительскую близость власти.

Родители, казалось бы, тоже обижаются на своих детей, тоже индуцируют в них вину, но при всех различиях в фактуре, смысл этого парного взаимодействия не меняется: родители обижаются на детей так же, как на своих родителей. Если матери обижаются на две стороны, скорее «за предательство», за разрыв симбиоза, то отцы, скорее – за разрушение амбиций, за эстафетное разочарование: «не в меня пошёл».

Для конструктивного родительского реагирования необходимо участие иных «взрослых» чувств, иначе участников ожидает либо бесконечная и бесперспективная борьба за позицию наиболее обиженного, либо разрыв с отложенными взаимными обидами, представляющий собой тоже форму борьбы: кто первый придёт просить прощения, тот и родитель.

Разрушительное действие обиды обнаруживается и в интимных отношениях. Будучи допущена в свежие отношения влюблённых, как нечто обыденное и естественное, обида поначалу служит доказательством взаимной близости. Взрослые люди, накрытые архетипической волной, достигают возможности, как им кажется, полного слияния. Вновь обретён утраченный родитель.

Про качественное и обязательное отличие союза двух зрелых личностей от детско-родительского симбиоза сейчас даже думать не хочется. Слаще пообижаться друг на друга, выдавая это за всплески иных чувств. Характерно, что прямого называния обиды партнёры стараются избегать, особенно. Когда отношения уже устоялись и, возможно, оформлены официально.

Супруги предпочитают объяснять своё изменившееся состояние усталостью, болезнью, остатками гнева и раздражения, принесёнными, например, из рабочей, деловой сферы. Явные претензии друг к другу так же «мотивируются» бытовыми событиями, за нагромождением которых не так просто найти суть. Обиды, просачивающиеся в отношения из самых бытовых областей, плохо артикулируются, отчасти, из страха показаться инфантильными, отчасти потому, что происхождение «обидного диалога» довербально. Даже если они обнаруживаются в конфликте фактически, и аналитик может отследить их невербальные проявления у конфликтующих сторон, очень часто они маскируются под более зрелые аффекты. Например, под гнев.

Именно обида со своей спецификой взаимозависимости, позволяет создать (воссоздать) тесноту симбиотического контакта, без которой самые гармоничные конструктивные отношения могут казаться прохладными.

Но сами же обиды создают условия для проникновения инцестуозных страхов в сексуальные отношения зрелых партнёров, с чего начинается реальное охлаждение и отдаление между ними.

Зрелая сексуальность способна противостоять инцестуозным рудиментам, тем более в случае взаимного удовлетворения партнёров. Претензии зрелых партнёров друг к другу так же могут решаться без обид. Досада, гнев, разочарование (в конкретном результате, а не партнёре вообще), могут быть улажены, в меру способности к контейнированию, или приводят к быстрому разрыву.

Но есть увлекательный процесс накопления обид, которые создают ощущение взаимной спелёнутости, которое разрушает, в свою очередь, достигнутый в момент встречи и сближения влюблённых экзогамно-эндогамный баланс. Тут они начинают ощущать себя сблизившимися до опасного кровного предела.

Итак, возможность обидеться и обидеть – есть изначальный и окончательный критерий близости. Но он же предполагает адекватный ответ на демонстрацию обиды – извинение, доказательс-

тва значимости, бонусы в утешение. Покаянная родительская реакция может быть отложена, но на понятный, приемлемый срок. Отсутствие её может породить фантазию: «Если на мою обиду не реагируют, значит, я – сирота», или « Я нелюбим, жить незачем».

Момент, в который происходит отказ от будущего, в который человек перестает чего-либо ожидать, крайне важен, и заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что он может возникать и в других жизненных стратегиях.

Но позиция обиженного ребёнка, которого никто не бросается утешать, для взрослого человека нелепа и нестерпима. А что делать, если по-другому он позиционировать себя не умеет? Стоять в глупой позе до конца, находя всё новые источники своей уязвлённости?

Исход подобной стратегии печален. Обида на саму жизнь проявляется в виде отказа от жизни. Путем отвержения удовольствий, сворачиванием всех программ и планов, схлопыванием перспективы. Отбрасываются любые новые возможности. Уходит смысл существования, и жизнь плавно перестает быть настоящей, становясь прошлой.

Зато готова роскошная эпитафия: «Я обижен».

В.Б. Носкова

ФИЛОСОФИЯ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

Носкова
Вера Борисовна

кандидат филологических наук, доцент Института международных связей

E-mail:
zubr@usp.ru

Современное увлечение чайными церемониями – дань моде на восточную экзотику – отозвалось множеством интересных этнографических работ, описывающих историю чая, технологию его заваривания, вкусовые качества сортов, процедуру чаепития по-восточному, в отличие от английской и русской традиции. По ироничному замечанию японского писателя, это «буря в чашке чая», при всей умиротворенности чайного таинства.

Важно понять, как в чайной церемонии воплощены философские основы ментальности, этические, эстетические приоритеты определенных культур.

Идущие из древности ритуальные акты, к которым можно отнести и чайную церемонию, имеют специфичную семантику мировоззренческих имитаций, в них смыслы бытия находили своеобразное отождествление: «Этот исторический смысловой шифр к природе и к жизни, (…) оказался культурной ценностью, результатом «производства идей», духовным инвентарем, пошедшим в пользование новой идеологии и новой культуры»[1]. Обряды были тождественны миропониманию древних. А затем становились метафорой реальности. Такие «дубликаты», в частности неизменная форма чайной церемонии, становились эмоционально-смысловыми шифрами отношения к миру, и как следствие, реальностью особого рода, отражением совершенного и переосмысленного действия. Эта форма, запечатлевающая перекодированное сознание, создает условия для интерсубъективной коммуникации как возможность приобщения к философскому смыслу совершаемой церемонии (*Смысл бытия // знак / ценностная знаковая реальность)*. И одновременно понимание смысла ритуала – условие межкультурной коммуникации, ибо чай – один из самых распространенных во всем мире напитков.

Приготовление целебного снадобья из листьев чайного куста известно в Китае с глубокой древности и упоминается в связи с именем китайского мыслителя Лао-цзы (т.е. 5-6 в до н.э.), полное признание и «узаконение» в Поднебесной чай получил в 8 веке в эпоху Тан, когда «апостол чая» Лу Юй написал трёхтомный трактат «Священная книга о чае» (другой вариант перевода – «Канон чая»). Уже тогда чайная церемония понималась